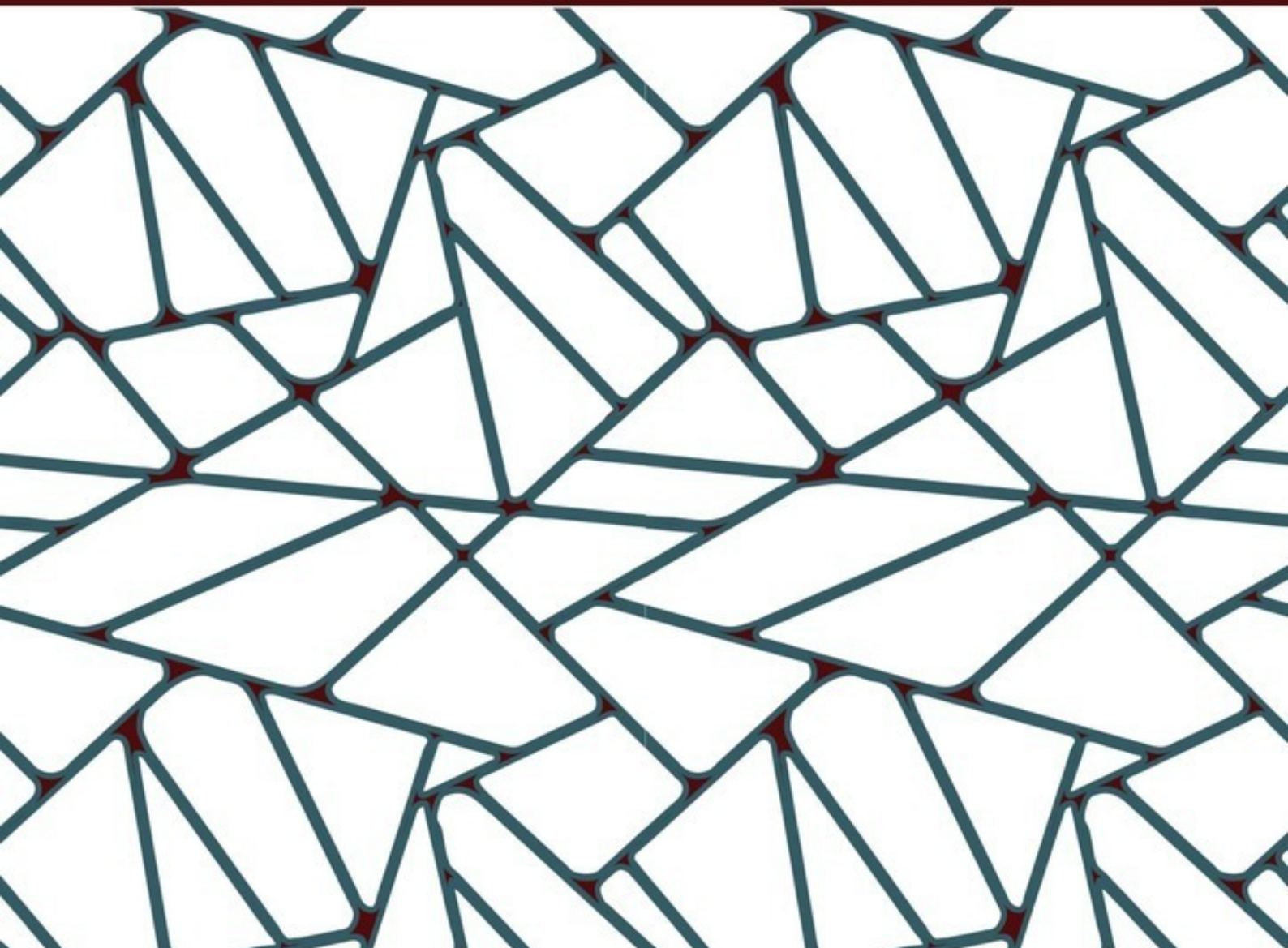

Александр Желенин

Джус по кругу

Из жизни безработных

Александр Желенин

**Джус по кругу.
Из жизни безработных**

«Издательские решения»

Желенин А. С.

Джус по кругу. Из жизни безработных / А. С. Желенин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838844-6

«Джус по кругу» — это повесть о реализации таланта в современном мире, повесть о борьбе за работу, сопровождающуюся борьбой за человеческое достоинство, да и жизнь, как таковую.

ISBN 978-5-44-838844-6

© Желенин А. С.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Джус по кругу	7
Подвал	8
Дом отдыха	10
Джус по кругу	13
В круге первом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джус по кругу Из жизни безработных

Александр Сергеевич Желенин

© Александр Сергеевич Желенин, 2017

ISBN 978-5-4483-8844-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Александр Желенин – писатель, журналист, политолог, историк, родился и вырос в Москве.

Три первых его рассказа были опубликованы (вернее, прозвучали) на Всесоюзном радио в первой половине 80-х в радиопередаче «Ровесники» по инициативе известного тогда радио-журналиста Игоря Дубровицкого.

В 1984 году он поступил на исторический факультет педагогического института имени Крупской в Москве, а в 1989-м закончил его с дипломом учителя истории и обществоведения.

Все это время продолжал писать рассказы.

С конца 80-х занялся публицистикой, специализируясь на политической и экономической тематике.

В 1990-м стал главным редактором и учредителем одной из первых в СССР независимых общественно-политических газет – «Левая альтернатива». Газета издавалась до 1992 года.

В 1993 году поступил в аспирантуру Московского педагогического государственного университета (МПГУ) на кафедру политологии и социологии. В 1999 защитил диссертацию, темой которой стало сравнение политических взглядов Карла Маркса и Михаила Бакунина. Кандидат политических наук.

В 2000 году по инициативе известного драматурга Михаила Шатрова вышла первая книга Александра Желенина – сборник статей, посвященных эволюции взглядов современной российской интеллигенции «Прощай шестидесятник!».

В 2008 году тот же Шатров с восторгом отозвался о фантастическом романе Александра Желенина «Живой Ленин», который, к сожалению, до сих пор не увидел свет.

Александр Желенин – автор более тысячи статей, опубликованных в разное время в таких газетах, как «The Moscow Times», «Независимая газета», «Новая газета», «Московские новости», «Новые Известия», «Время МН», «Солидарность», журналах «Смысл», «Деловые люди», газете «Россия» и ряде других.

В данный момент – политический обозреватель информационного агентства «Росбалт».

Джус по кругу

Из жизни безработных

Подвал

– Знаешь, что такое «джус по кругу»? – с ухмылкой спросил менеджер.

Он стоял перед Андреем в светлом пиджаке, белой рубашке и цветастом галстуке. Андрей взглянул на него. Прикинул. Как раз на расстоянии прямого удара.

– Нет, – ответил Андрей подавлено, одновременно пытаюсь изобразить на лице что-то вроде вежливой улыбки. Так нужно. Обязательно нужно улыбаться, быть дружелюбным и раскованным. Произвести хорошее впечатление. Стать идеальным работником.

Действительно, стань, наконец, идеальным работником – убей в себе человека! Смейся, когда смеется начальство, поддакивай, когда оно говорит глупости, молчи, если хочешь сказать правду. Иначе работы не видать. Даже такой паршивой, как эта.

– А хочешь узнать? – не унимался менеджер, еще больше растягивая свой большой рот (слишком большой для мужчины, мелькнуло в голове у Андрея), – хочешь узнать что такое «джус по кругу»?

Ну, конечно! Какой-нибудь униженный обряд посвящения для новобранцев...

Андрей вспомнил как очень давно он работал в одной гостинице для иностранцев. До этого он часто ходил вдоль ее фасада, разглядывал затейливую лепнину на ее стенах. Когда он пришел туда работать, оказалось, что ее внутренности представляют собой грязный вонючий четырехгранник. На его дне суетилась разнообразная челядь вроде поваров, поварих, официантов и рабочих множества профессий. Он был среди последних, устроился туда плотником после училища.

Однажды, во время перерыва он разнес вдребезги правым прямым толстый кусок пинопласта. За несколько минут до этого официант по имени Гена, высокий плечистый парень, ударом кулака расколол пополам метровый кусок этого же пинопласта и гордо предложил желающим сделать то же самое с его меньшей частью в форме почти правильного куба. Это было уже сложнее. Гена стиснул куб своими большими сильными руками и выставил перед собой. Андрей, встал в боевую стойку и как на тренировке выстрелил правой. Пинопласт разнесло на мелкие куски, которые брызгами полетели в разные стороны. Пинопласт, конечно, не доска или толстая фанера, но на окружающих это все равно произвело впечатление.

Гена с уважением посмотрел на Андрея и почему-то стал рассказывать ему про свою армейскую жизнь.

В части, где он служил, вновь прибывшему новобранцу делали нечто, называвшееся «клёпкой». Выглядело это приблизительно так: двое «салаг» становились друг перед другом, а «старик», стоя между ними, клал одному из них руки на плечи. Второй «салага» поднимал ноги «старика» и держал их у себя подмышками. Лежащий таким образом между двумя «молодыми» «старик», опираясь о плечи первого, резко приподнимал зад и нос второго новобранца утыкался ему в анус. Это и называлось «клёпкой».

«Приятно», – смущенно улыбаясь, добавил к своему рассказу Гена. При этом было не совсем ясно, что же, собственно, ему было приятно – утыкаться носом в задницу «старика» или проделывать ту же «клёпку» с другим «салагой» через полтора года службы. Андрей подумал тогда, что с ним бы такой фортель не прошел. В армии он не служил,

но точно знал, что в такой ситуации дрался бы до последнего. Иногда он думал, что если бы была в этом необходимость, он, наверное, мог бы убить подонка, который получает удовольствие, унижая человеческое достоинство себе подобного. А может и не смог бы. Но он точно никогда не позволял унижать себя.

Дом отдыха

Как-то один бывший зэк попытался использовать его лицо в качестве пепельницы. История эта приключилась, когда Андрей отдыхал с мамой-инвалидом в одном подмосковном пансионате.

Андрею было тогда лет 18, но выглядел он совсем мальчишкой, многие давали ему 15. Зэк, напротив, был уже бывалым мужиком, к тому же местным и отсидевшим.

Из-за маминой инвалидности Андрея, единственного кормильца в семье, не брали в армию. А он хотел на волю, в пампасы. Хотел служить в Афгане, в разведке. Хотел испытать себя. Когда он признался в этом маме, она зарыдала. Однако разговор все равно был беспредметным – мамина инвалидность висела на нем кандалами. Это сильно угнетало его. Заменой Афгана стал для него бокс. Он дрался на ринге десять лет. К тому времени, о котором идет речь, он уже был вице-чемпионом Москвы.

С 13 лет Андрей фактически стал главой их маленькой семьи – ходил в магазин, стирал, мыл посуду. Еще надо было гулять с больной мамой, которая еле-еле передвигала ноги, опираясь одной рукой на палку, а другой на руку сына. Летом он вывозил ее на свежий воздух. Она была малоподвижна, поэтому ему, в сущности, еще мальчишке, самому надо было ехать на другой конец многомиллионного города, на вокзал за билетами, самому заказывать такси, самому договариваться с грузчиками насчет багажа, самому снимать жилье в том городе, куда они приезжали на отдых.

Ездили они обычно в Литву, на побережье Балтийского моря. Реже в Крым, который Андрей любил гораздо больше. Но в тот год он купил путевку в пансионат Абрамцево в Подмосковье.

Литва вконец утомила его озабоченными борьбой за независимость литовцами и бесконечными дождями. Принцип самоопределения наций он поддерживал, раздражало его лишь то, что в Прибалтике он тогда зримо выражался, в основном, в хамстве по адресу тех, кто говорил по-русски. Дожди и местный национализм обычно делали его литовский отпуск невыносимым. В Крым же на этот раз категорически отказалась ехать мама. Так что Абрамцево стало компромиссом.

Поначалу все было даже очень неплохо. Он ходил в лес за малиной, играл с местными ребятами и отдыхающими в пинг-понг, футбол и волейбол. По вечерам в клубе устраивали дискотеки.

Но неожиданно все испортилось.

Зэк привязался к нему на дискотеке в местном клубе. Натравил на него зэка местный массовик-затейник. Андрей сразу же понял это, потому что тот был здорово зол на него за то, что Андрей смеялся над его тупыми шутками во время концерта для отдыхающих.

Спустя годы, Андрей признался себе, что с его стороны было довольно глупо смеяться над ним. В конце концов, не каждому дано быть Чарли Чаплиным, и вообще чего требовать от деревенского конферансье, которому просто нужно кормить семью. Но молодость часто безжалостна к чужим недостаткам и не замечает собственных.

Впрочем натравливать бывшего уголовника на глупого мальчишку, приехавшего отдыхать с больной мамой, было еще более гнусно.

Зэк несколько раз попытался толкнуть его на танцах в местном клубе и вообще всячески провоцировал на драку. Андрей на провокации не поддавался и тогда тот решил перейти к делу без повода. Подошел к нему вплотную и, мрачно глядя в лицо, произнес сакраментальное – «пошли, выйдем».

Они вышли на воздух, зашли за угол деревянного здания клуба, и Андрей оказался запертым в тупике – за его спиной был глухой деревянный забор, справа шла бревенчатая стена клуба, слева рос колючий кустарник. Прямо перед ним стоял зэк. Он, не спеша, со вкусом раскурил сигарету, чувствуя себя хозяином положения. Затем начал нести обычную в таких случаях ахинею про то, что Андрею, вероятно, «больше всех надо», что он, по видимому, «самый умный» и прочее в том же духе. Андрей знал, что все это просто прелюдия к драке и молча ждал начала основного действия.

Наконец, зэку надоело болтать, и он решил закончить разговор, потушив сигарету о глаз Андрея. Когда его рука с дымящейся сигаретой приблизилась к лицу мальчишки настолько, что тот почувствовал своим правым глазом жар ее маленького огонька, Андрей нанес ему удар в голову. Как раз через эту руку с сигаретой. Уголовник улетел в плотный колючий кустарник. Вылетел он оттуда с ревом, наклонив вперед голову, как ошпаренный кипятком бычок. Андрей нанес ему нескольких сильных боковых ударов в голову, а затем припечатал спиной о бревенчатую стену. В следующую секунду он выскочил из тупика на свободное пространство перед клубом, повернулся и в то же мгновение получил удар по скуле. Удар был не сильный, хотя зэк и вложился в него всем телом. Андрей упал на землю скорее от того, что не успел развернуться к противнику всем корпусом и оказался в неловком положении. Зэк приблизился к нему вплотную. Андрей ударил его ногами в грудь, предвзительно прихватив руками пятки врага. Тот снова рухнул.

До того, как заняться боксом, Андрей занимался самбо и дзюдо. Теперь эти навыки емугодились. Он перевернул противника лицом к земле, сел ему на спину и, зажав его стопу подмышкой, начал заламывать ее назад. Уголовник заорал от боли. Андрей отпустил его и поднялся. Пара ударов ногой в голову, пожалуй, довершили бы дело, но Андрей всегда чувствовал тот момент, когда надо остановиться, чтобы не стать убийцей беспомощного человека. Пусть этот человек и не вызывал у него в тот момент никаких чувств, кроме ярости.

Вскоре Андрей вернулся в Москву – начиналась учеба.

Мама осталась отдохнуть в этом райском уголке еще на две недели. Ей было хорошо в Абрамцево – готовить и стирать не нужно, рядом лес, который она так любила. Ее безопасность обеспечивал большой пес Мотя. Кличку ему придумал Андрей, когда пес первый раз подошел к ним на лесной лужайке. «Ничего себе, – сказал Андрей, глядя на большую лохматую собаку, – настоящий волк. Или вульф, вольф, как говорят немцы». Подумал и добавил: «Вольф, Вольфган. Вольфган Амадей Моцарт! Давай назовем его Моцарт? – предложил он и тут же поправился, – нет, Моцарт слишком торжественно. Лучше – Мотя». Так пес в считанные секунды получил новую кличку. Его прежнее имя так и осталось для них загадкой.

Мотя здорово привязался к ним, особенно к матери. Та всегда приносила ему что-нибудь из столовой. С утра он уже ждал ее у выхода из дверей пансионата и затем целый день сопровождал повсюду.

Мама писала стихи и рассказы. Она любила работать в лесу, на природе. Когда она раскладывала свой складной стульчик где-нибудь на лесной поляне, чтобы написать новое стихотворение или рассказ, Мотя чинно ложился у ее ног, охраняя ее покой. Однажды ему на деле довелось доказать свою преданность. Как-то в лесу к ней попытался приблизиться какой-то подозрительный тип с расширенными зрачками наркомана. Мотя мгновенно вскочил на ноги и зарычал так, что тип поспешил ретироваться в глубь леса.

В итоге, Андрей счел, что маму определенно можно оставить на попечение персонала пансионата и Моти.

...Когда он приехал навестить ее, местные ребята рассказали ему, что после драки ээ три дня провалялся дома в кровати с синим, опухшим от гематом лицом.

Джус по кругу

...Менеджер в галстукe напомнил ему и того зэка, и армейских «стариков», про кото-рых ему в свое время рассказывал Гена, да и кто только еще не рассказывал. Андрей почув-ствовал, как закипает в нем «ярость благородная». Из района диафрагмы она поднимается к голове и начинает понемногу клокотать там.

Он зримо представил себе, что произойдет в следующее мгновение: его коронный пра-вый прямой – и вот менеджер в красивом галстукe уже летит к противоположной стене с раз-битой физиономией, на которой застыла его мерзкая ухмылка. Вот, стоящие у этой стены одна на одной коробки, сыплются на него, и он, сидя на полу, в недоумении размазывает кровь по лицу...

Да, все будет именно так, если ты отпустишь тормоза и дашь себе некую немую команду. Но нет. Ты этого не сделаешь. Во всяком случае, сейчас.

В конце концов, может быть, все не так плохо и этот «джус по кругу» не самая страшная штука на свете? Надо держаться, ведь ты пришел за работой, которой не имеешь уже восемь месяцев. А дома у тебя двое маленьких детей, двое мальчиков – одному восемь, а другому два года и безработная жена. А здесь обещают платить каждый день! По полторы – две тысячи в день, плюс какие-то проценты! За что – еще не совсем ясно...

Когда он прочитал объявление в газете и позвонил в эту контору, ему сказали только, что речь идет о торговле. «Но это не сетевой маркетинг, – поспешила успокоить его девушка-оператор, – работа в офисе». Последнее добавление для него было уже не очень принципи-ально. Он уже был на той стадии, когда наплевать – какая работа. Главное, чтобы она была, и за нее платили.

Он пришел по указанному в объявлении адресу темным холодным осенним утром. Неприметная табличка с названием фирмы «Сокол» висела на железной двери, ведущей в подвал одного из старых сталинских домов на Беговой.

И вот он стоит посреди бетонного подвала, в толпе каких-то странных людей. Боль-шинству из них далеко за сорок, а то и за пятьдесят-шестьдесят. Впрочем есть и пара молодых лиц – невысокий шустрый парнишка с беспокойными глазами и девушка лет 25. Но в основном собравшиеся здесь были людьми пожилыми. Одеты они были неважно, да и вообще выглядели не очень, но изо всех сил улыбались во весь рот. Самыми ужасными, возможно, были эти улыбки, обнажавшие их рты, с редкими вкраплениями зубов. Остав-шиеся в наличности зубы, не отличались белизной, на других были железные или золотые коронки. Последние тускло поблескивали в подвальном мраке, невеселым напоминанием о более благополучных временах их обладателей. Кто бы что ни говорил, но годы не кра-сят человека. В тускло освещенном подвале лица этих людей казались Андрею списанными с картины Гойи «Сон разума рождает чудовищ».

Кроме этой группы в помещении находились еще двое – крупный, благодушного вида полный мужчина, в серой водолазке и темном пиджаке, который не застегивался на его вну-шительных размеров животе, и высокий широкоплечий парень, похожий на боксера. Первый по преимуществу следил за работой менеджера, иногда негромко корректируя его действия.

Высокий парень, прислонившись к бетонной стене, посмеиваясь, следил за остальными. От нечего делать, он мерно бросал свой правый кулак в левую ладонь, а затем, левый – в правую. Будто перекидывал из руки в руку увесистые булыжники – впечатывая кулак в ладонь, как в боксерскую «лапу», правильно заворачивая кисть костяшками вовнутрь. Было видно, что он не прочь поразмяться на ком-нибудь из присутствующих, но подходящий случай все никак не представлялся.

– Ну-ка, Мари Николавна, продемонстрируйте нам «джус по кругу»! – закричал менеджер, поняв, что от Андрея толку не будет.

Пожилая худошавая женщина (наверное, чья-нибудь бабушка, почему-то подумал Андрей), сверкнув золотым зубом, засеменила трусцой по внешней стороне круга, в который выстроились присутствующие. Все они шумно подбадривали ее криками и хлопали в такт ее бегу в ладоши. Огибая по внешнему периметру этот круг, бабушка шлепала своей ладонью подставленные навстречу ей ладони других мужчин и женщин. Те одобрительно гикали и свистели, а она все бежала и бежала, шлепая и шлепая их по подставленным ладоням.

Когда дошла очередь до Андрея, он тоже поднял навстречу ей руку, и она слегка хлопнула его пятерню своей рукой. В этот момент он поближе рассмотрел пожилую женщину. У нее были ярко окрашенные дешевой помадой губы, глубокие морщины, густо напудренные и наrumяненные щеки и вымученная улыбка грустного человека.

– Ну, а теперь ты! – радостно провозгласил менеджер, снова глядя в упор на Андрея.

Господи, какой идиотизм, какое унижение, подумал Андрей. И вот уже он, плюнув на все, бежит трусцой по этому кругу, хлопая своих новых товарищей по протянутым ему пятерням, а они громко кричат что-то, подбадривая его.

Как же это все случилось, спрашивал себя Андрей, исполняя свой «джус по кругу»? Как он, кандидат наук, известный журналист оказался среди этих людей в этом подвале?

Ему вспомнилась пресс-конференция, на которой депутаты проправительственной фракции в Думе рассказывали о программе поддержки «белых воротничков» во время кризиса. Один из журналистов – молодой парнишка – спросил их, будут ли они защищать журналистов, которых работодатели тоже, случается, выгоняют с работы. Андрей запомнил ответ депутата. «Хорошие журналисты всегда востребованы», – заявил он, дав понять, что выгоняют только плохих. Это было ложью.

Андрей знал уйму блестящих журналистов, которых выбросили за ворота. Работодателю всегда удобнее работать не с умником и талантом, у которого есть собственный взгляд на вещи, которого надо уважать, с которым надо считаться, и, которому, наконец, надо платить приличную зарплату, а с исполнительной посредственностью, не обладающей ни умом, ни талантом.

Так не только в журналистике, так везде. Открыто признать этот факт, означало бы публично развенчать лживый миф о том, что талант всегда пробьется. А заодно расписаться в негодности всей существующей экономической системы. Но кто ж это будет делать? Те, кто и представляет эту систему? Смешно...

В круге первом

Нет, Андрей не сразу оказался в этой яме. Перед этим было несколько неудачных попыток устроиться в солидные газеты и журналы. Он приходил на собеседование с толстой папкой, в которую предварительно старательно складывал свой «портфолио» – многочисленные вырезки из газет и журналов со своими статьями. Редактор или менеджер бегло просматривал эти вырезки и обещал связаться с ним через некоторое время. По большому счету все это было не менее унижительно, чем тот дурацкий «джус», который он сейчас исполнял.

Было обидно и противно, когда его, проработавшего к тому времени в журналистике 15 лет, просили написать «что-нибудь новенькое». Как будто тех десятков вырезок из газет и журналов, которые он приносил, было недостаточно. А ведь это была лишь верхушка айсберга, лишь меньшая часть из того, что он успел сделать в этой жизни. Были сотни других статей, которые он не захватил только потому, что знал – их все равно не будут читать – у деловых людей нет времени на всякую ерунду вроде вдумчивого чтения.

Андрей не понимал, почему каждый раз должен снова и снова доказывать свой профессионализм. К чему это? Он что за те несколько месяцев, что был без работы, разучился думать и писать?

Тем не менее, приходилось жить по правилам этого мира. И потому он писал новые статьи для потенциальных работодателей, а через некоторое время узнавал, что его кандидатура на должность обозревателя или корреспондента не подходит. Интересная штука. Другим работодателям подходила, а этим – нет.

Еще раньше, в начале далеких теперь уже 90-х он издавал собственную газету. Был ее учредителем и главным редактором. Впрочем, теперь он не всегда упоминал об этом факте своей биографии в резюме – главному редактору той газеты или журнала, куда он пытался устроиться, это могло не понравиться – мало ли что, а вдруг новый сотрудник излишне амбициозен? С таким-то портфолио! Возьмет и подсидит его!

По этой же причине, он перестал указывать в резюме и свою ученую степень. И вообще он уже не знал, как вести себя с работодателями. Выложить все свои регалии – опасно, будут видеть в тебе потенциального конкурента, молчать о них – значит ничего из себя не представляешь.

Раньше он всегда был уверен, что о человеке надо судить не по степеням и званиям, а по тому, что он умеет делать, потому, как развиты его мыслительные способности. Но и это не главное. Во всяком случае, для него. Для него всегда был важен сам человек – талантлив он или не очень, умен или ограничен, порядочен – или сволочь. Вот это главное.

По логике вещей, все эти качества – их наличие или отсутствие – должны быть важны и для работодателя. Однако Андрей, чем дольше жил, тем больше убеждался, что логика вещей и логика работодателя – понятия, порой, противоположные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.